

© 1995 г.

Л.Г. ЕГОРОВ

ПРОБЛЕМЫ ВОЕННОЙ СОЦИОЛОГИИ

ЕГОРОВ Лев Григорьевич — кандидат философских наук, доцент кафедры социологии Гуманитарной академии Вооруженных Сил.

В последнее время заметно вырос интерес к истории возникновения, развитию и преподаванию военной социологии среди не только военных, но и гражданских социологов.

Благодаря усилиям редакции журнала «Социологические исследования» проблемам военной социологии были посвящены публикации ряда авторов в специальном выпуске № 12 за 1993 г. и «круглый стол» в Гуманитарной академии Вооруженных Сил, которым

руководил заместитель начальника академии по науке академик АЕН РФ Н.А. Чалдымов и в котором приняли участие профессора А.В. Дмитриев, В.И. Добреньков, В.Н. Иванов, В.В. Серебрянников, В.А. Ядов, а также преподаватели, адъюнкты и слушатели нашей академии. Данная статья написана в развитие моего выступления.

Военная социология еще не может считаться самостоятельной социологической наукой, а является одной из специальных социологических теорий, включающей в себя социологию войны и вооруженных конфликтов, а также отраслевую социологическую теорию вооруженных сил, всей военной организации общества с целым рядом частных военно-социологических теорий (социологию воинского труда, воинских коллективов, личности воина, воинской дисциплины, культуры, быта и семейных отношений воинов, управления социальными процессами в воинских объединениях, частях и подразделениях и т.п.)

Мнений о том, что военная социология является суверенной наукой и включает в себя политологию, политэкономия, социальную философию и целый ряд других общественных наук, было высказано В.Н. Ведерниковым. На мой взгляд, эта позиция крайне ошибочна.

Значительно ближе к верной точке зрения находится выпускник Гуманитарной академии И.В. Образцов, статья которого вносит значительный вклад в исследование становления военной социологии [1]. Он рассматривает «расширенный» подход к пониманию общей и военной социологии проф. Н.Д. Табуновым и другими авторами и делает вывод: «наиболее предпочтительным с точки зрения управленческих задач представляется "зауженный" подход» и, в частности, формулировка, предложенная В.Я. Воробьевым — автором статьи, опубликованной в Социологическом словаре минского издательства «Университетское» в 1991 г. Мы благодарны автору за рекламу этого словаря, где социологов академии называют чуть ли не основоположниками отечественной военной социологии. Однако В.Я. Воробьев сужает не только предмет, но и объект военной социологии: «СОЦИОЛОГИЯ военная — специальная социологическая теория, объект изучения которой - Вооруженные Силы в целом, их различные подструктурные звенья, воинские коллективы; воинская деятельность как в мирное, так и в военное время. Основной предмет социологии военной — военно-социальные отношения и процессы, складывающиеся в армии как относительно целостном организме и вместе с тем как неотъемлемой части общества» [2].

Следует сразу отметить, что, идя от описанного к сущностному определению предмета социологии вообще и военной социологии в частности, за основу следует брать именно социальные отношения и процессы. Но спецификой военной социологии является то, что она имеет два объекта изучения: с одной стороны, вооруженные силы, вся военная организация общества, с другой — войны и вооруженные конфликты. О том, что эта реальная объективная позиция не только наших, но и зарубежных социологов, свидетельствует переименование (на Международном социологическом конгрессе в Мехико, 1982), исследовательского комитета «Вооруженные Силы и разрешение конфликтов». Именно поэтому в 1989 г. на конференции «Актуальные проблемы развития военной социологии в условиях армии и флота» нами было сформулировано следующее определение: «Предметом военной социологии является функционирование и развитие вооруженных сил, всей военной организации как социального института, а также социальных аспектов войн и вооруженных конфликтов, их социальных последствий и социальных конфликтов в них» [3].

При этом, в отличие от распределения сторонников «расширенного» и «зауженного» подходов по схеме И.В. Образцова я решительно отношу себя к понимающим «социальные отношения» и «социальные процессы» в узком, специфически точном их значении. Именно в неадекватном понимании «социального» таятся некоторые принципиальные просчеты и некоторых более маститых социологов. Эта точка зрения была преодолена во второй половине 80-х годов в том числе и в работах В.Н. Иванова, В.А. Ядова и других, что позволило им по-новому подойти к определению самого предмета социологии и ее структуре [4].

Благодаря стараниям редакции журнала «Социологические исследования» мы сегодня имеем возможность ознакомиться с работами и учебниками по социологии ведущих ученых Великобритании, США и других стран и понять, что выражение «пророков нет в отечестве своем» не всегда точно.

Нейл Смелзер в недавно вышедшей в нашей стране книге «Социология» справедливо проводит мысль о необходимости использования и объединения достижений двух важнейших методологических направлений науки: диалектико-материалистического (которое он называет конфликтологическим) и функционалистского (идущего от Конта и Дюркгейма

к Веберу, Парсонсу и Мертону). И, видно, будет верным поддержать такую «конвергенцию» в науке и в реальной жизни.

В современной мировой социологии следует отметить стремление к объединению не только функционалистского и конфликтологического подходов, но также широко и узкоспециального. Мирный, восходящий к О. Конту и Г. Спенсеру, рассматривает общество как целостную социальную систему, как живой социальный организм. Раймон Арон называл его «синтетическим», и поначалу он действительно мог быть понят как охватывающий все общественные науки (кстати, сам Р. Арон явно включает в социологию и социальную философию) [5], Второй — современный — все более подходит к тому, что социология изучает реально существующее общество как целостную систему, но, в отличие от социальной философии и других общественных наук, именно через социальные отношения, общности и институты. На мой взгляд, именно в этом направлении претерпел изменения взгляд на социологию В.А. Ядова. Вспомним его определение социологии в первом и последнем изданиях книги «Социологическое исследование: методология, программа, методы». При этом следует заметить, что его последняя публикация (1987) опередила работы зарубежных коллег и является более четкой по содержанию.

С учетом расширяющегося преподавания курса социологии, в том числе и военной, представляется возможным наметить следующий подход к определению предмета этой науки: социология изучает общество как целостную систему, как живой социальный организм, а также социальные отношения, социальные общности и институты, социальные процессы и явления. То есть именно изучая социальные образования в статике и социальные процессы в динамике, социология изучает и все общество как целостную реально функционирующую систему. Таким образом охватывается весь круг социальных явлений, через которые социология изучает и общество в целом. При этом исследуются и общесоциологические законы, относящиеся ко всему обществу, и отдельные специальные и частные социальные закономерности социальной сферы (общесоциологическими, специальными, отраслевыми и частносоциологическими теориями, как это предлагается в структуре социологии В.А. Ядовым).

Давая определение объекта и предмета военной социологии еще в 1985 г. и уточняя его в публикациях 90-х годов, мы, конечно, исходили из узкого понимания социального, но в определении соединяли два подхода [6]. Уже тогда мы, поддерживая В.А. Ядова, подчеркивали, что социология — это не истмат и не научный коммунизм. Так что упреки нынешних преподавателей социологии к тем, кто им прокладывал путь в трудные 80-е годы несправедливы. Мы, подчеркиваю, начали подготовку специалистов-социологов еще с 1982 г., а чтение 200-часового курса (при 3-годичной подготовке в академии) — с созданием кафедры — в 1990 г.

При таком «узком» понимании социального можно согласиться с положением, зафиксированным В.Я. Воробьевым в упомянутом Социологическом словаре, что основным предметом военной социологии «являются военно-социальные отношения и процессы, складывающиеся в армии...» (правда, точнее было бы сказать «социальные процессы» и не в армии, а в Вооруженных Силах как более широком образовании). Но в целом его определение, как и ранее приведенное нами, вполне может быть принято для преподавания курса военной социологии и дальнейшей работы над сущностным определением этой специальной социологической теории. Значительным приближением к определению предмета военной социологии с другой стороны стал подход профессора В.В. Серебрянникова, опубликованный в статье «Военная социология; опыт и проблемы», где он предлагает рассматривать ее как науку, исследующую «...законы и механизм взаимодействия социальных общностей по поводу вооруженной защиты Отечества, а также общества и армии, внутренние отношения в Вооруженных Силах между их структурными элементами и военнослужащими» [7]. Надо отдать должное Владимиру Васильевичу, который в бытность заместителем начальника ВПА им. В.И. Ленина во многом способствовал введению курса военной социологии для специалистов и был бессменным докладчиком на трех конференциях по «Актуальным проблемам военной социологии». Но, как видно из названной статьи и предыдущих публикаций, В.В. Серебрянников был и остается сторонником подхода к социологии с позиции «Рабочей книги социолога», включающей в себя истмат («социальную философию»), и конкретные социологические исследования. Эту трехуровневую структуру он предлагает сохранить и в военной социологии, подчеркивая, что ее первый (высший) уровень «связан с фундаментальными исследованиями отношений различных социальных общностей к проблеме войны и мира, оборонным делам, взаимодействию общества и армии, гражданских и военных структур,

конкретных людей». Но понятно, что отношения к проблемам войны и мира, защиты Родины, взаимодействия общества и армии (Вооруженных Сил, всей военной организации) могут быть во всех сферах (экономической, духовной, политической и социальной), и такой подход является не совсем точным и отнюдь не социологическим, то есть, скорее, «расширительным». Включение в третий уровень военной социологии конкретных военно-социологических исследований — это продолжение того же эклектического соединения социально-философского и эмпирического уровней, которое в научных публикациях было подвержено резкой аргументированной критике более десяти лет назад.

Остановимся на некоторых вопросах истории отечественной военной социологии. Социологические воззрения в том числе и по проблемам войны, мира и Вооруженных Сил, возникали в рамках общеполитической науки издревле. Мы их обнаруживаем в ранних учениях Востока, Индии, Китая, Египта, Древней Греции и Рима, в религиозных трактатах средневековья, и все-таки элементы военной социологии как науки складываются с ее вычлениением из философии в середине прошлого века. Известно, что два важнейших направления СОЦИОЛОГИИ — контовское (позитивистское), ставшее в нашем веке функционалистским, и марксовское, пошедшее в русле конфликтологии, берут свое начало от военного мыслителя графа Анри де Сен-Симона, чьи идеи впоследствии научно доказывались и Контом, и Марксом, и Энгельсом.

20-летию международного межвузовского семинара «Вооруженные Силы и общество» при Северо-Западном университете США (созданном Морисом Яновитцем и ныне возглавляемым Чарльзом Москосом) были посвящены две статьи французского военного социолога Мишеля Мартина, в которых он пытается доказать, что военная социология возникла лишь в 60-е годы нашего века, и это заслуга именно американских военных социологов [8]. Автор дает современное определение предмета военной социологии, а среди тех, кто внес определенный вклад в ее создание, называет Н. Макиавелли, А. Смита, Ф. Энгельса, К. Клаузевица и некоторых ученых XX века, но не убеждает нас в приоритете американских социологов. В своей «двухсерийной» публикации И.В. Образцов справедливо ставит вопрос «мы первые?» и отвечает: «Первые, но не мы одни...». Подходы к военной социологии наблюдались со стороны представителей и военной, и общественной наук, но именно подходы. Однако вряд ли следует считать создание графом, профессором Императорской академии Генерального штаба, а позднее генерал-фельдмаршалом и военным министром курса военной статистики вкладом в военную социологию в 40-е годы XIX века. Это еще не последовательный военно-социологический анализ.

Можно сказать, что ни в Германии, ни в России не возникло военно-социологических и других социологических концепций раньше, чем возникла сама социологическая теория. Как показывает лаконичная и объемная работа Е.И. Кукушкиной по истории отечественной социологии конца XIX — начала XX века, социологические концепции проникают в Россию лишь в 60—80-е годы прошлого века. Вышедшие в 1847—1848 гг. «Первые опыты военной статистики» графа Д.А. Милютина можно считать в числе первых подходов к военной социологии. Так же, как и определение войны в работе «О войне» (1832) Карла фон Клаузевица — немецкого военного теоретика, одно время служившего в Российской армии. В числе подступов к военной социологии следует назвать работы Фридриха Энгельса «Возможности и перспективы войны Священного Союза против Франции в 1852 году» и его статью «Армия» для «Новой американской энциклопедии» 1857 года, где им дается классическое определение армии [9].

Лишь в конце 90-х годов, в широком подходе к военной стратегии как философии и социологии войны, мы наблюдаем проникновение контовских идей в работы офицеров академии Генерального штаба — начальника кафедры генерала Н.П. Михиевича и барона капитана Н.А. Корфа, касающихся военной социологии. Но в них, скорее, очерчиваются контуры военной социологии, чем развивается сама ее теория. Подлинным вкладом в военную социологию, по всей видимости, следует считать работы полковника Режепо Петра Александровича — члена комиссии при Главном управлении Генерального штаба — по статистике генералов и полковников (1903—1905) и офицерскому вопросу (1909—1910); статьи В.И. Ленина «Падение Порт-Артура» (1909); «Статистика и социология» (1917), «Пролетарская революция и ренегат Каутский» (1918), а также работы П.А. Сорокина по социологическим проблемам войны и мира, выполненные еще в российский период его творчества. В этот же период публикуются и работы голландского военного социолога Р.С. Штейнметца «Война как социологическая проблема» (1899) и «Философия войны» (1907). Именно этот период можно считать этапом формирования теории военной социологии в нашей стране и за рубежом.

Отдавая должное работе наших молодых исследователей по восстановлению истории военной социологии и установлению вклада российских социологов в ее развитие, следует, однако, заметить, что правда о социологических курсах Н.Н. Головина в Белграде и Париже накануне второй мировой войны так же важна, как и уважительное отношение к вкладу советских исследователей послевоенного периода в создание фактически заново теории военной социологии, а затем и курса военной социологии в 80-е годы, на базе которого была создана первая в мире кафедра военной социологии в ВПА им.В.И. Ленина.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Образцов И.В.* Военная социология: проблемы исторического пути и методологии // Социол. исслед. 1993. № 12; 1994. № 1.
2. *Воробьев В.Я.* Социология военная // Социологический словарь Минск: Университетское, 1991. С. 379.
3. *Егоров Л. Г.* Военная социология и управление социальными процессами в С.А. и ВМФ // Актуальные проблемы развития военной социологии в условиях перестройки армии и флота. М.: ВПА, 1990. С. 52.
4. *Ядов В.А.* Социологическое исследование: методология, программа, методы. М.: Наука, 1987.
5. *Арон Р.* Этапы развития социологической мысли. М., 1993. С. 90—91.
6. Актуальные проблемы военной социологии в свете решений XXVI съезда КПСС. М.: ВПА, 1987.
7. *Серебрянников В.В.* Военная социология: опыт и проблемы // Социол. исслед. 1993. №12.
8. *Мартин М.* Некоторые аспекты военной социологии США // Дефенс Националь 1981. Октябрь, *Мартин М.* Морис Яновитц и военная социология США // ДефенсНациональ, 1982. Март.
9. *Энгельс Ф.* Возможности и перспективы войны Священного Союза против Франции в 1852 году // *Маркс К, Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 7.